

ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ КАК РЕЗУЛЬТАТ СТОЛКНОВЕНИЯ СТЕРЕОТИПНОГО И РЕАЛЬНОГО

Непшекуева Т. С. – к. ф. н., доцент

Кубанский государственный аграрный университет

Автор рассматривает внутренний конфликт как результат столкновения стереотипного и реального. Стереотипы способствуют восприятию и пониманию внешнего и внутреннего мира, но при встрече с новым, нестандартным человеком попадает в ситуацию внутреннего разлада.

Слово *стереотип* происходит от греческого *stereos твердый* и *typos отпечаток*. Однако не все так просто. Стереотип – это не окаменелость, а относительно устойчиво воспроизводящийся процесс [1], который автоматизировался, стал привычным и может осуществляться невольно, непреднамеренно. Стереотип предполагает формирование в сознании человека общей схемы субъективного восприятия и понимания мира. Встретившись с новым объектом и заметив некоторые его признаки, человек под влиянием имеющейся у него схемы невольно достраивает образ данного объекта, приписывая ему не обязательно то, что объекту свойственно, а то, что укладывается в рамки общей схемы, стереотипа.

В зависимости от области изучения выделяют социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т. п. Автостереотипами называют те, которые то, что люди думают сами о себе, гетеростереотипы относятся к другому, бывают критичнее [2].

Несоответствие стереотипного и реального, нового, отсутствующего в личном опыте является благодатной почвой для внутриличностного конфликта. Обратимся к примеру.

'Hang it all, one can't leave a woman without a bob.'

'Why not?'

'How is she going to live?'

'I've supported her for seventeen years. Why shouldn't she support herself for a change?'

'She can't'

'Let her try'.

Of course there were many things I might have answered to this. I might have spoken of the economic position of woman, of the contract, tacit and overt, which a man accepts by his marriage, and of much else; but I felt that there was only one point which really signified.

'Don't you care for her any more?'

'Not a bit,' he replied.

The matter was immensely serious for all the parties concerned, but there was in the manner of his answers such a cheerful effrontery that I had to bite my lips in order not to laugh. I reminded myself that his behaviour was abominable. I worked myself up into a state of moral indignation ("The Moon and Sixpence", 48).

- Черт подери, но нельзя же оставлять женщину без гроша.

- Почему нельзя?

- Как прикажете ей жить?

- Я содержал ее семнадцать лет. Почему бы ей для разнообразия теперь не содержать себя самой.

- Она не может.

- Пусть попытается.

Конечно, у меня нашлось бы, что на это ответить. Я мог бы заговорить об экономическом положении женщины, об обязательствах, которые мужчина, гласно и негласно, берет на себя, вступая в брак, но я вдруг понял, что, в конце концов, важно только одно.

- Вы больше не любите ее?

- Ни капли.

Все это были очень серьезные вопросы в человеческой жизни, но манера, с которой он отвечал, была такой задорной и наглой, что я кусал себе губы, лишь бы не расхохотаться. Я твердил себе, что его поведение отвратительно, и изо всех сил старался возгореться благородным негодованием ("Луна и грош", 41).

В перепалке со Стриклендом автор, на которого была возложена не легкая миссия посредника, взывает к совести "оступившегося" мужа, используя известные ему и общепринятые в таких случаях приемы обращения к чести и совести. Стрикленд неумолим, но ведет себя настолько нестандартно, что вместо того, чтобы вызвать негодование автора, сбивает его с толку своей манерой и, в конечном итоге, ставит его в затруднительное положение. Умом автор понимает, что подобное поведение Стрикленда отвратительно и безнравственно и требует всяческого осуждения. Но сердце его было подкуплено манерой речевого поведения Стрикленда. Именно она стала конфликтогеном для автора, так как автор был готов к употреблению и восприятию определенных стереотипов, но не к такой встрече. Оказавшись обезоруженным при выполнении своей миссии, автор подвергает себя определенной пытке, делает над собой серьезное усилие, чтобы не дать окончательно сбить себя с толку, с обязательств, наложенных на него. Невербальное поведение автора, аутокоммуникация являются маркерами его внутреннего напряжения. Перебежчиком автора не назовешь, но то, что он симпатизирует Стрикленду, очевидно.

По контексту другого произведения У. С. Моэма, молодой автор приезжая на каникулы в Блэкстебл к дяде-священнослужителю вынужден жить двойными стандартами. С учетом мнений и традиций консервативного общества почитаемых людей Блэкстебла, и прежде всего его дяди, с одной стороны, и с учетом прогрессивных, современных взглядов молодых и энергичных людей того же Блэкстебла, которых интересовало все новое, и которые входили в круг общения Дрифилдов, с другой стороны. При этом последние для молодого автора были привлекательнее.

В один день Дрифилды сбегают из Блэкстебла, наделав там долгов. Именно после этого побега происходит нижеприводимая встреча автора с Розой, женой писателя Дрифилда.

'I hear there was a to-do when they found out we'd skipped. I thought Ted would never stop laughing when he heard about it. What did your uncle say?'

I was quick to get to right tone. I wasn't going to let her think that I couldn't see a joke as well as anyone.

'Oh, you know what he is. He's very old-fashioned.' ("The Skeleton in the Cupboard", 151). – Я слышала, там был большой шум, когда узнали, что мы смылись. Тед чуть не помер со смеху, когда ему об этом рассказывали. Что говорил ваш дядюшка?

Я быстро взял нужный тон. Мне не хотелось, чтобы она приняла меня за человека, лишенного чувства юмора.

- Ну, вы же знаете, он так старомоден ("Скелет в шкафу", 287).

Молодой автор не мог на вопрос Розы ответить правдой. Во-первых, Роза была ему симпатична, во-вторых, он не хотел выглядеть старомодным, непрогрессивным, несовременным в своих взглядах на жизнь, не имеющим чувства юмора, что и послужило причиной его внутреннего расхождения. И поэтому же автор берет "нужный" тон, а не искренний, приспосабливается, истинные же чувства, соответствующие его реальному

внутреннему состоянию, прячет. Молодой человек уже хорошо понимает, что может быть уместным, а что неуместным.

Таким образом, нежелание выглядеть старомодным (как дядя), без чувства юмора, опростоволоситься перед симпатичной женщиной выступает в данном случае конфликтогеном, а маркером является тот факт, что молодой автор прибегает ко лжи, берет "нужный" тон, а не истинный, соответствующий его внутреннему состоянию.

Общественное мнение, особенно когда это касается сферы творчества, зачастую становится неукоснительным, эталонным, стереотипным для большинства, которое ему подчиняется. Неподчинение же нередко становится вопросом идентификации, самоопределения. Столкновение общественного мнения, ставшего эталонным, и собственных мнений может служить внутренним конфликтогеном.

'I think the instinctive judgments I formed when I was a boy were right. They told me Carlyle was a great writer and I was ashamed that I found the French Revolution and Sartor Resartus unreadable. Can anyone read them now? I thought the opinions of others must be better than mine and I persuaded myself that I thought George Meredith magnificent. In my heart I found him affected, verbose, and insincere. A good many people think so too now. Because they told me that to admire Walter Pater was to prove myself cultured young man, I admired Walter Pater, but heavens how Marious bored me!' ("The Skeleton in the Cupboard", 35–36). – По-моему, первые впечатления, оставшиеся у меня с детства, были правильными. Мне говорили, что Карлайл – великий писатель, и мне было очень стыдно, когда я убедился, что не могу прочесть "Французскую революцию" и "Сартор ресартус". А кто их теперь читает? Чужие мнения казались мне вернее моих собственных, и я заставлял себя считать великолепным писателем Джорджа Мередита. Но про себя я думал, что он пишет выпендренно, неискренне и многословно. Сейчас многие так считают. Мне говорили, что культурный молодой че-

ловец должен восхищаться Уолтером Патером, и я им восхищался, но, боже мой, какая скучища его "Мариус"! ("Скелет в шкафу", 211).

Молодой в ту пору писатель признается в своем профессиональном грехе, может быть, и не грехе, а в уважительном отношении к чужому, авторитетному мнению. Скорее всего, по неопытности чужое кажется ему чем-то подтвержденным, весомым, и, значит, более достоверным, чем собственное мнение.

Однако внутренне, перед самим собой он, был честен и имел свое собственное мнение, в данном случае несовпадающее с общепринятым. Внешне он как бы и уступает, а внутренне остается при своем, что дается ему не без определенных усилий над собой. Конфликт маркирован самопринудительным внешним подчинением общепринятому мнению вопреки своей воле. Время все же доказало его правоту: можно восхищаться человеком, но это не значит, что восхищение обязательно должно распространяться на его произведения.

Таким образом, стереотипы, с одной стороны способствуют восприятию и пониманию внешнего и внутреннего мира, но при встрече с новым, нестандартным, не укладывающимся в рамки стереотипной схемы, человек попадает в сложную ситуацию внутреннего разлада, когда ему необходимы определенные усилия, чтобы достроить образ нового на основе своего субъективного восприятия (что не всегда соответствует реальным свойствам объекта), либо воспринимать реальность такой, какая она есть. При этом можно подстроиться к ней во избежание конфликта, либо, внешне уступив, остаться при своем мнении, что также является своего рода приспособлением.

Маркерами когнитивного конфликта стереотипа и реальности могут быть такие когнитивные процессы, как анализ и сравнение, сомнения, приспособление, дозирование искренности в коммуникации, аутокоммуникация, попытки привязать себя к существующим когнитивным схемам.

Список литературы

1. Климов, Е. А. Конфликтующие реальности в работе с людьми (психологический аспект) : учеб. пособие / Е. А. Климов. – М. : Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж : Издательство НПО "МОДЭК", 2001.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр "Академия", 2001.
3. Моэм, У. С. Луна и грош / У. С. Моэм. – Пер. Н. Ман. – М. : Художественная литература, 1991.
4. Моэм, У. С. Пирог и пиво, или скелет в шкафу / У. С. Моэм. – Пер. А. Иорданского. – М. : Художественная литература, 1991.
5. Maugham, W. S. The Moon and Sixpence. Short Stories / W. S. Maugham. – Книга для чтения на английском языке. – М. : Изд-во "Менеджер", 2000.
6. Maugham, W. S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard / W. S. Maugham. – Книга для чтения на английском языке. – М. : Изд-во "Менеджер", 2000.